

ШУРА ГОЛЬМ И ДОКТОР ВЫКСОВ

ДЕВУШКА С КОЛЬЦОМ, СТИЛЕТОМ И КОТОМ

Первая история

ЕЛЕНА ТИМОХИНА

Елена Тимохина

**Шура Гольм и доктор
Выксов. Девушка с
кольцом, стилетом и котом**

«Автор»

2026

Тимохина Е. Е.

Шура Гольм и доктор Выксов. Девушка с кольцом, стилетом и котом / Е. Е. Тимохина — «Автор», 2026

Мир театра полон чар, которые оказывают влияние на криминогенную обстановку в городе. Опираясь на пьесу «Принцесса Турандот», детектив Шура Гольм ведет криминальные расследования вместе со своим другом, отставным военным врачом Иваном Выковым. Некоторые детали отсылают к приключениям знаменитых британских детективов, но реалии и сюжеты приближают героев новеллы к нашими современникам.

© Тимохина Е. Е., 2026

© Автор, 2026

Елена Тимохина

Шура Гольм и доктор Выксов.

Девушка с кольцом, стилетом и котом

Сегодня доктор Выксов впервые чувствовал себя отрезанным от фронтового братства, с которым два года находился на той же орбите, где вращаются звезды, ракеты, квадрокоптеры и миллионы других людей, включая и его. Еще под Луганском они обменивались любезностями с самим чертом, но уже в поезде Иван Сергеевич возвращался с такими же, как и он, демобилизованными, и каждый мерил себя своей собственной меркой. В его представлении, созвездия словно бы сошли с неба и распались на мириады несвязанных частиц. Спасаясь от приступов отчаяния, он представлял себе город, где его ожидали приключения, но мечтам не удалось сбыться, по прибытии никто их знакомых не удостоил его вниманием и никаких предложений он не получил. Мир все еще существовал в том месте, где доктор его покинул, но сам Выксов изменился.

В Москве Иван Сергеевич чувствовал себя одиноким и потерянным. Сестра передала ему ключи от родительской квартиры, они провели вместе полдня, после чего она уехала домой. Выйдя замуж, Светлана обосновалась в Питере.

– Будешь скучать, перебирайся к нам. – предложила она.

Еще пять лет назад она жила в Сочи, а раньше – в Ростове-на-Дону. Долгое время они провели на пасеке, разводили пчел, а теперь ее муж устроился водителем такси. Семье нравилось путешествовать.

– Вряд ли, – ответил доктор.

После фронта ему хотелось осесть, завести друзей и, быть может, семью.

Уединившись на съемной квартире, доктор Выксов днями напролет вносил записи в свой ежедневник. Простояв два года нежилой, квартира заплесневела и требовала ремонта. Дома царила гробовая тишина, которая сводила его с ума. Он представлял, что примерно так и будет жить после демобилизации. Печальный сон в темноте. Вещи в расфокусе. Доктор даже решил, что у него поднялась температура. померил. 36 и 6, а по ощущению все 39. Некогда напряженная. полная событий жизнь превратилась в безмолвный ад. Он привык больше иметь дело с дронами-камикадзе и их жертвами, нежели с нормальными людьми.

Проще говоря, имея приличный опыт врача, в свои сорок два года он остался не у дел и скучал.

Из всех знакомых только доцент Крик время от времени звонил ему. Сегодня он пригласил его к себе на работу, обещая интересный разговор и кофе.

– Кого я вижу, наш защитник Отечества, – приветствовал его Осип Евгеньевич.

К его ситуации Крик отнесся сочувственно и сказал:

– А знаете, Иван Сергеевич вы имеете странное сходство с одним моим учеником.

Он пустился в долгий рассказ, темой его был один молодой коллега, который избавился от наркотической зависимости и теперь ищет врача для консультаций. Выксов ответил, что не готов к возобновлению профессиональной деятельности. Он сам нуждался в реабилитации.

Обосновавшись в столице, Иван Сергеевич приобрел привычку обедать в забегаловке неподалеку от дома, так он боролся с одиночеством. По той же причине он стал посещать тренажерный зал, где у него случился роман с женщиной, приходящей сюда, чтобы познакомиться. Как и проститутку, выходящую на угол заработать, её интересовало содержимое его кошелька. Он отклонил приглашение в гости, но не терял надежды, рассчитывая, что вторая

попытка знакомства окажется более удачной. Из этих раздумий его вырвал голос по телефону. доцент Крик предложил ему добавить к своим боевым заслугам и учёные.

С тех пор, как два года назад Иван Сергеевич покинул лабораторию НИЭЭ РАН, наука не упустила возможности пополнить теоретическую часть новыми разделами практики. Доцент Крик дописывал докторскую диссертацию в области биоинженерии, его исследование вело к созданию самых малых в мире автономных роботов. Размеры таких устройств достигали нескольких сотых миллиметра, однако внутри скрыт полный набор элементов, необходимых для самостоятельной работы, включая источник питания, сенсоры, вычислительный блок и системы движения. Над разработкой полезной модели Выков провел три месяца, но партнерство не приносило ему удовлетворения, так как дохода не хватало даже на оплату коммунальных услуг. И уже когда Иван Сергеевич пришел к решению вернуться к врачебной практике и вел переговоры с диагностическим центром, Осип Евгеньевич вызвал его на доверительный разговор и снова завел речь о своем интересном знакомом, который в частном порядке нуждался в медицинской помощи. Дав согласие повидаться с этим человеком, доктор Выков продолжил переговоры с клиникой, которые обещали завершиться успехом.

Желая выполнить поручение Крика, Иван Сергеевич явился по указанному адресу. Его смутило отсутствие телефона у потенциального клиента, доцент заверил, что его можно застать дома в любое время. Так оно и оказалось.

– Извините, что без звонка, – произнес она, когда ему открыли дверь.

– Мне нельзя звонить. – Хозяин даже не посмотрел в его сторону, он был чересчур занят своими мыслями.

– Я ищу одного человека, – сказал доктор. – Его фамилия Гольм.

– Как видите, здесь, кроме меня никого нет и быть не может.

– Я от Осипа Евгеньевича Крика.

– Вот и славно.

– Вы здесь один? – удивился Выков. – Кажется, я слышал разговор в соседней комнате.

– Вы допытываетесь, как чиновник надзорной службы. Я слушаю аудиокнигу. Предпочитаю иметь реального собеседника, но тут поговорить не с кем, так что приходится развлекать себя. Вы новенький у Крика? Что-то я такого не припомню, – сказал Гольм.

Каштановые волосы, спадающие волнами на плечи, обрамляли красивое, ухоженное, молодое лицо. жаль, что Гольм не отличался вежливостью. Похоже, и умом тоже не блистал – как бы не нахваливал его Осип Крик. Впрочем, доктор уже решил отказаться от этого пациента. Не с его расстроенными нервами выслушивать чужие капризы.

– И я не нуждаюсь в медицинской помощи – это на тот случай, если вы разыскиваете больного, – прибавил странный тип.

– Кто вам сказал, что я доктор?

– Речь у вас вполне московская, хотя и немного с южным акцентом. Были в длительной командировке?

– Два года.

– Ваша обувь – часть воинского обмундирования. Вы к ней привыкли, поэтому не стали менять. А насчет другого – все знакомые Осипа Евгеньевича – это биологи или врачи. Вряд ли в армии предусмотрены военные биологи как штатная единица.

Доктору дали понять, что его отнесли к числу проходимцев, и он был готов повернуть к лестнице, как его остановило ворчливое замечание:

– И как это вам удалось так просто до меня добраться?

Этот нудный тип явно испытывал его терпение. Чем он занимался, было непонятно, но он шума он производил порядочно. Судя по болтовне, ее могло бы хватить человек на десять, но в комнате никого, кроме него, не было.

– Не скажу, что просто, – отвечал доктор. – Сначала меня остановил человек из органов. возможно, он служит во вневедомственной охране, но я склоняюсь, что он при погонах. Он сказал, что раньше меня не видел и спросил, по какому я делу. Я ответил, что врач.

– Тут вы его не обманули, – повеселел Гольм, который сначала показался доктору мрачным.

– Да. Я предъявил ему документы, которые он внимательно рассмотрел. очевидно, в этом доме проживает большая шишка?

– Да. весьма важная, и что дальше?

– Уже в подъезде со мной заговорил молодой человек. Он сказал, что если я направляюсь к Шура Гольму, то он будет ждать меня на обратном пути, чтобы выслушать сообщения. Кто он?

– Олег.

– Почему вы не отправите ему СМС?

– Я же говорил, что мне запрещено общаться по телефону. вам показать постановление суда? Видите ли, уважаемый Иван Сергеевич, наш общий друг Крик забыл упомянуть, что я нахожусь под домашним арестом. Меня отстранили от работы и отправили в вынужденный отпуск за свой счет, так не совсем отпуск.

– Извините, я уже вижу, что ошибся, – доктор был готов раскланяться.

– Вовсе нет. Я просил Осипа Евгеньевича подыскать мне жильца, с чем он и справился. Подождите, сейчас вынесу вам ключ. Ко мне селиться не совсем удобно, я под домашним арестом, но соседняя однокомнатная квартира в вашем распоряжении. Она мне тоже принадлежит. Ее купили мои родители, хотели, чтобы я жил рядом с ними.

– А где они?

– Переехали на жительство в Болгарию, уже давно.

– *Aliena nobis, nostra plus aliis placent*, – заметил доктор. (Хорошо там, где нас нет).

– Вы один из немногих, кто помнит цитату полностью. Думаю, вы мне подойдете.

Что интересно, он не стал спрашивать, какое впечатление производит он.

– Есть что-нибудь еще, о чем мне нужно знать? – спросил Гольм. – Всё-таки мы будем жить под одной крышей.

– Я имею привычку вести записи в ежедневнике, – ответил доктор. – Кстати, прошу обращаться ко мне полным именем. Я Иван Сергеевич и никаких сокращений не принимаю.

– Самое время представиться, я Шура Гольм, и я из прокуратуры. Заранее чувствую ваше неодобрение.

– Напротив, я рад знакомству, – и Выков протянул ему руку.

– Прекрасно. Можете называть меня Шурой. А вы хороший доктор, Иван Сергеевич?

– На войне ценили, но тут вряд ли из меня выйдет хорошее подспорье, – сказал Выков. – Я и сам ищу работу, платить много не смогу.

– Что делать, всем приходится экономить. В любом случае, вы найдете работу раньше, чем я. Немаловажно, что вы доктор, а я тут лишен медицинской помощи.

Стоило видеть счастье Гольма, когда он увидел новое лицо, чтобы растрогаться. Доктор не устоял. Не в силах помочь узнику выйти на свободу, он всеми силами содействовал ему в устройстве жизни. Остроумие, с которым Гольм живописал свои злоключения, карой за которые и стал судебный приговор, поначалу вызывали у доктора смех, но уже скоро Шура начал повторяться, и смех доктора сменился сожалением – ему стали видны невидимые слезы, которые Гольм так тщательно скрывал от мира.

– Вас не затруднит сделать чай? В вашей квартире имеются все принадлежности.

– Но как же вы?

– А я выпью у себя. Главное ведь не чай, а компания.

Как и все люди, проводившие время в одиночестве, Шура оказался болтлив. Неожиданно обретя массу свободного времени, он занялся изобретательством, и за чаем они с доктором вели разговор о беспроводных TWS-наушниках со встроенными камерами и ИИ. Если, по словам доцента Крика, Гольм и являлся гигантом мысли, но внешне он производил впечатление бледного молодого человека, редко бывающего на улице, с красными глазами, которые свидетельствовали о хроническом недосыпании. По ряду признаков – лицу со следами преждевременного увядания, хроническому насморку и худобе – доктор установил, что придется иметь дело с наркоманом. Не сказать, чтобы это пришло ему по душе, но работа есть работа.

Вот только наблюдательность его нового пациента не вписывалась ни в какие рамки:

– Вы прикладываете усилия, чтобы казаться обычным, доктор, но я знаю, вы разделяете мою любовь ко всему странному и находящемуся за пределами рутины.

– С чего вы так решили, Шура? Я самый обыкновенный человек.

– Обычный человек не остался бы со мной пить чай, а сбежал бы после первой минуты общения. Но вам интересен разговор, как и мне. И еще у нас есть общее. Вы заметили, как внезапно стало вдруг скучно жить, сначала исчезла радость восприятия, потом упал интерес к жизни...

Доктор и сам не заметил, как стал кивать в такт его слов.

При общении подопечный не выразил желания сразу идти на сближение, а заставил выслушивать подробное описание функционала своего концепта, а именно – чтение текстов, распознавание указателей, описание окружающей обстановки и навигационную помощь с помощью голосового интерфейса. Какое это имело отношение к наушникам, Выков понял только впоследствии. Его озадачила фраза доцента Крика о том, что наука потеряла пронизательного учёного, когда детектив стал специалистом криминологии, но он не придал этому значения.

– Что у вас с жильем? – спросил Гольм.

– Там требуется ремонт. Думаю снять однушку в пригороде.

– Вздор. Перебирайтесь ко мне. У меня четырёхкомнатная квартира, спать будете в однокомнатной, коммунальные расходы пополам. С едой тоже как-нибудь разберемся, мне готовит соседка. Вам понравится ее еда.

Доктор ответил, что он неприхотлив.

– Мы начали говорить о медицине. У вас заболевание? – он вспомнил о цели своего визита.

– Нет, но мне понадобятся консультации, и вообще я не могу без собеседника, а вы мне подходите. Соглашайтесь.

Внезапно Гольм показался доктору таким забавным, что его раздражение куда-то исчезло, и он шагнул навстречу, предлагая рукопожатие. Тот отпрянул.

– Не торопитесь. Тут ведется видеонаблюдение, так что входить ко мне не рекомендуется. Это не понравится надзорному органу. Я почти уверен, что следователь прокуратуры Порфирьев, который сейчас нас слушает, скоро прибудет, а нет, так пришлет капитана Пальчикова. Заодно и познакомитесь. Вам теперь часто придется иметь с ними дело.

– Что вы натворили?

– Я расследовал одно дело, увы, дал подписку не разглашать его обстоятельства.

– Провалили?

– Напротив, успешно завершил. Я потом как-нибудь расскажу.

Взглянув на часы, Гольм сказал:

– У вас две минуты, чтобы рассказать о себе.

Доктор поставил себе правило с больным не нянчиться, а сразу окунуть его в реальный мир, хотя бы и принудительно. Он рассказывал о боевой работе расчётов гаубицы «Мальва», о

том, что в детстве его звали «Буратиной» за длинный нос. Но «Буратино» на фронте уже был, и ему пришлось взять позывной «Пьеро».

– Вы нарушаете негласное правило двух минут, – сказал Гольм, прервав его на полуслове. – Скоро мои мучители приедут проверить своего поднадзорного. Я бы предпочел объясниться с ними сам.

Доктор сказал, что может объяснить некоторые аспекты человеческой психологии через процесс классической обусловленности. На этот раз он изъяснялся кратко.

– Прекрасно. А теперь исчезните. Ваша протянутая рука запечатлелась на камере. мне надо еще придумать объяснения, – пробормотал Шура.

Доктор поморщился. И все же Гольм не вызывал у него доверия. Еще немного, и он попросит называть его Шуриком. Участвовать в его приключениях доктор Выков не собирався, но уже пошел у него на поводу. Это получилось само собой.

– Так я съезжу за вещами? – уточнил он на прощание.

– Ну да, я же передал вам ключи.

Спускаясь по лестнице с четвертого этажа, Выков наткнулся на Олега, который явно его караулил.

– Ну как всё прошло?

– Благополучно.

– Значит, теперь часто будем видеться.

– А за что его, беднягу?

– Это еще посмотреть, кто из них бедняга, – Олег ощерился ухмылкой. – Задержан после положительного теста на наркотики. Гольм говорит, что подтасовано, но кто его знает, он еще и не такое может отчебучить. Ладно, я пошел. кстати, оставьте запишите мой телефон, будем на связи.

Позже Иван Сергеевич спрашивал партнера, почему он выбрал его.

– Вы – мое второе я. Версия меня, но упрощенная. Более приспособленная к жизни, хотя и лишенная моей проницательности. Не переживайте об этом, Иван Сергеевич. Пытливый ум, это раз. Не знаете отдыха, это два. Думаю, мы сработаемся. А нос у вас действительно длинный.

Гольм закончил университет в прошлом году и получил диплом юриста. Неполный год он проработал в прокуратуре, но ушел оттуда и с тех пор нигде не работал.

– Вас уволили?

– Ага. Попросили уйти за «несоответствие с занимаемой должностью», но мы договорились на увольнение «по соглашению сторон».

– Вам не понравилось?

– В прокуратуре не так-то много развлечений и куча обязанностей.

– Скучаете по тем временам?

Тень улыбки мелькнула у него на губах.

– Скорее по людям. Раньше мы ссорились, теперь они уже не сердятся на меня, а я на них.

Дом Гольма произвел на доктора неизгладимое впечатление. Он находился недалеко от метро «Таганская» и до него можно было добраться пешком. Дорога шла в гору, не отличавшейся особой крутизной, и он медленно набирал высоту, не чувствуя усталости. Когда уже он был готов взлететь на самую вершину, подъем кончился. Дом находился на 1-м Котельническом проезде, в былые времена известном, как Швивая горка, название которой напоминало о близости к Хитровке. Этот район был застроен сталинскими домами, но в это время он выглядел пустынным: ни людей, ни машин. Странный узор многоэтажек сохранял атрибуты имперской власти, воспроизведенный архитектором, который взял за образец древнеримские особняки.

Доктор испытывал волнение, переступая порог квартиры на четвертом этаже, но, когда зеленоватая краска лестничной площадки сменилась темно-зелеными обоями какой-то мши-

стой фактуры, он почувствовал удивительное спокойствие. Это было жилище книжника: полки с книгами шли по всему коридору и заканчивались буковыми книжными шкафами, расположенными венцом вокруг письменного стола: здесь располагалась периодика, и доктор отметил научные журналы на английском, немецком и французском, самые ранние относились к началу двадцатого века, а поздние – текущим месяцем.

Плазмы и мониторы представляли век нынешний, а обилие бумаги – минувший. Фотографии на стене содержали свидетельства существования монстров, один вид которых мог свести с ума человека с расстроенными нервами, и доктор удержался от подробного осмотра и вообще не глядел в их сторону. Письменный стол, затянутый зеленым сукном, был образцом антиквариата, так же, как и настенные часы в виде ворона, клюющего череп, и зеленой банковской лампы. Вообще, часов тут насчитывалось не менее десятка: разных видов и типов, явно, собрание коллекционера. Позже Гольм рассказал о наиболее интересных экземплярах этого собрания: одни принадлежали космонавту Джанибекову и были сработаны по его эскизу, другие предназначались для глубоководного плавания. В числе родственников Гольма насчитывалось немало путешественников и любителей безумных проектов, так что он воплощал фамильную традицию.

По известной причине Гольм редко покидал стены своей четырехкомнатной квартиры, предпочитая удаленную работу. Кофе он пил специфический с мёдом и острым перцем. После первого совместного завтрака у доктора началась прямо-таки паническая атака.

– Это после похмелья? – спросил он Шуру.

– Помогает проснуться.

А потом Выков залип в Википедии на ссылках про его раскрытые дела. Последним была взломанная им переписка начальника безопасности одного медийного лица, довольно известного в политике, с владельцем пиццерии, в ходе которой мелькали странными картинками и фотографиями. Там были запечатлены всякие оргии, убийства, испуганные люди и т.д. По мнению Гольца, часто упоминаемое словосочетание «доставка пиццы» в их переписке представляло собой кодовое слово для обозначения наркотиков. Гольм считал, что медийное лицо, как и его брат, были причастны к скандалам, губящим репутацию звезд эстрады. И все это распутал Шура Гольм.

Последняя дело далось Шуре тяжело, ничего не хотелось делать: ни работать, ни заниматься беготней.

– Надо заняться спортом, – и доктор предложил похлопотать о смягчении участи поднадзорного, рекомендовав ему посещение фитнес-зала.

Гольм бесился от того, что его держали взаперти. Ночью он сидел за компьютером, но так и не добился толка. Он написал не менее сотни писем, но все они вернулись с ответом, что почтовый сервис не работает. В прокуратуре удалили его рабочий аккаунт.

День был солнечный, и доктор с удовольствием прогулялся по улице. Вспомнив о своем приятеле, который метался по комнате из угла в угол, он зашел в цветочный магазин и выбрал букет. Увы, Гольм, обладал идиосинкразией к красоте природы.

– Это что? Зачем?

– Фиалки. Почувствовать радость жизни.

– А лаванда есть в продаже?

– Только в сушеном виде.

– Тогда не надо. Я и сам тут засох.

Хорошая погода подействовала на Гольма неблагоприятным образом, он возжелал прогулки.

– Давайте прогуляемся, заодно и посмотрим клуб, который вы для меня присмотрели.

– А как же поднадзорный режим?

– От вашего имени я отправил письмо в надзорное ведомство, что Гольм нуждается в прогулках. В прокуратуре остерегаются спорить с медициной. Скорее всего, нас будет сопровождать кто-нибудь из оперсостава. Севастьян Пальчиков так себе собеседник, надеюсь он будет молчать.

Пальчиков встретил его инициативу возражениями. Стоя у входной двери, он распинался о том, что Гольму запрещено выходить из дома.

– Ну, а я не под домашним арестом, мне можно, – возразил доктор, которому надоело слушать его стенания.

– Тогда пойду и я, – вызвался Гольм.

– Вас отправят в тюрьму, – предупредил капитан.

– Ничего подобного. В обмен на сотрудничество с прокуратурой я выторговал смягчение режима. По соглашению сторон я могу выходить в ближайший магазин и питаться в соседнем кафе не чаще раза в день. Правда, Иван Сергеевич?

Выков не удивился. Он слышал краем уха, что такие переговоры завершились договоренностью.

Несмотря на то, что доктор уверял капитана о необходимости прогулок для арестованного, тот цедил сквозь зубы предусмотренную случаем служебную инструкцию. Эти слова он вынужден был проглотить, когда Гольм с присущим ему художественным даром передал сводку преступлений по району, даже не видя её.

– Здесь работал фальшивомонетчик времен Советского Союза. Он был водителем Горбачева и получил квартиру в этом доме. Его имя Виктор Баранов. И тут ограбили антиквара. У него было собрание старых почерневших икон и медных крестов. Говорили, что он повесился, но я подозреваю, что не обошлось без криминала.

– Опять вы взялись разводить теорию, – сердился Пальчиков.

– Капитан имеет в виду мое учение о красных и зеленых зонах, которое сегодня получило косвенное подтверждение, – объяснил Гольм.

После месяца, проведенного в стенах квартиры – не самого худшего из мест, но все же заточения – Гольм ощущал счастье от того, что вышел на улицу.

В клубе Гольм приобрел разовый пропуск, шутил с администратором, гостями и преподнес фиалки самой красивой женщины.

– Это поможет вам почувствовать радость жизни, – проговорил он и подмигнул доктору.

Доктор Выков сидел с прямой спиной и каменным выражением лица.

– Ваша знакомая? – осведомился Гольм. – Не стесняйтесь, она действительно хорошо собой. Боюсь, в Москве у нее успеха не будет, слишком русская, – прокомментировал он свои наблюдения.

В фитнес центре проводился фестиваль по эксклюзивным упражнениям: уборка снега грифом от штанги, вис вниз головой на турнике с подъемом пакетов с подарками и так далее. Шура сказал, что он всё сделал, однако через полчаса тренировки «сдох».

А ведь он еще не научился жонглировать мандаринами.

Пальчиков заметил, что он пользуется своим правом недобросовестно и вместо прогулок посещает разные подозрительные места.

– Я возвращаюсь к нормальной жизни из заточения, – гордо ответил Гольм. – А вы, что, думали держать меня годами в узилище?

– По крайней мере, там вы не станете курить кальян.

Пальчиков проворчал, что и сам бы не отказался побыть в таком узилище хотя бы неделю, он уже забыл, когда последний раз бывал дома, но к его мнению никто не прислушался.

Выков поинтересовался, как тут замешан кальян, и в ответ получил историю об одной съемочной группе, которая попала в криминальные сводки из-за вечеринки, на которой умер один ее участник после того, как отравился наркотиками.

– Во-первых, он погиб по естественной причине вследствие диабета, – возражал ему Гольм. – Этот человек к кальяну не притронулся, предпочитая упиться спиртным, при этом не позаботившись о закуске. Во-вторых, опиум в кальян был принесен злоумышленником, и вам его найти не удалось.

– Не нам, а вам. Это ваше задание. Не забывайте, что вы пошли на соглашение сотрудничать со следствием.

Гольм обладал досадными привычками, с которыми не собирался расставаться, и уклонялся от заданий прокуратуры, предпочитая трудиться над интерактивными картами убийств, совершенных в крупных городах России. Пальчиков, уже получивший нагоняй от Порфирьева, весьма холодно отнесся к его предложению «погулять» по городам, где были совершены кровавые преступления. Также недоверчиво он выслушал его предположение о концентрации преступности. Согласно Гольму, преступления, связанные с насилием, чаще всего происходят в конкретных «горячих точках».

– Возьмем вас, Иван Сергеевич. Он получил работу, но не решается мне рассказать. Если бы вы сообщили мне об этом заранее, я бы сказал, что ваш центр «Практика» расположен в красной точке, – говорил Шура. – Она располагается у главной дорожной магистрали на месте рынка, который закрыли из-за опасности, которую он представлял для района.

Судя по карте Гольма, район считался красным. На первый взгляд он мало чем отличался от прилегающих кварталов, разве что насчитывал большее количество ларьков геометрически неправильных конструкций, да и сами торговые центры имели названия, вызывающие в памяти шалманы азиатских базаров. Вид закрытых магазинов с заколоченными фанерой витринами полностью соответствовал сведениям о криминальных случаях, в которых оказались замешаны их владельцы, и уже не имело значения были ли они преступниками или жертвами. Люди, встреченные на улицах, были одеты бедно, их положение оставляло желать лучшего. По большей части они являлись обслугой магазинов или жучками, чья жизнь сосредоточилась в этом квартале, пропавших насквозь дурью и вонью, неизбежными спутниками криминального мира.

Тем более странно было встречать островки зелени, вклинившиеся в эти развалины. Равномерность посадок и чередование цветочных и кустарниковых культур с композициями из камня наводили на мысль о восточных образцах, которыми вдохновлялся садовник. Эти маленькие парки вписывались в площади, залитых асфальтом, захватывали место вдоль обочины уличных магистралей, где преобладали свежие посадки лип и кленов. Чем ближе к особнякам, отделанным мраморными панелями, тем больше попадалось посадок рододендронов и кипарисов, а в тяжелых гранитных чашах цвели магнолии и гортензии, напоминавшие о входе, если не во дворец, то место такого же ранга.

Доктору казалось, что архитектура диагностического центра «Практика», где ему удалось получить работу, весьма напоминает фитнес-центр «Преображение», так много между ними было общего. Красноватый оттенок гранитной облицовки придавали этим заведениям благородный вид, но Гольм возразил, что это ошибочное впечатление, потому что оба учреждения – не что иное, как объекты красного квартала и ничем не отличаются от шалманов, которые они недавно видели. Люди проницательные сразу улавливают опасность, а старожилы про это знают твердо, поэтому никто из этих двух категорий сюда не сунется. Сюда попадают новички, охочие до внешнего лоска. Неудивительно, что потом они сетуют на постигшие их неудачи. Согласно теории Гольма, такие места провоцируют людей на нервные срывы. Доктор подумал, что он прав, и не этим ли объяснялась текучка персонала в медицинском центре. А ведь «Практика» показалась ему сначала верхом благопристойности.

И тут Гольм прибавил еще одну мысль:

– А не кажется вам, Иван Сергеевич, что людей влекут сюда такие места, потому что у них есть с ними много общего.

Когда подошел трамвай, они уже достигли остановки, и это была лишь первая из цепи совпадений, которую отрицал Гольм. Салон оказался пуст, и капитан Пальчиков предложил пройти в заднюю часть салона, но его поднадзорный уже сел в кресло и смотрел в окно. Они проезжали благополучный городской квартал, где отреставрированные дома, ухоженные деревья и река Яуза являли все признаки благополучной зеленой черты. Они едва не проехали нужную улицу и оказались в числе последних пассажиров, покидающих салон, поэтому могли наблюдать происшествие, жертвами которого стали люди, покинувшие трамвай первыми. Они толпились у пешеходного перехода, осветившегося зеленым светом, и самые нетерпеливые уже начали движение и достигли середины дороги, как на проезжую часть выкатилось такси. Возможно, водитель не рассчитал время торможения или тут было что-то другое, но машина направилась прямо в гущу народа. Толпа раздалась в стороны, давая ему дорогу, люди уворачивались, чтобы избежать столкновения, и доктор подумал, что если бы тогда они с Гольмом прошли вглубь салона, то высадились бы из задней двери трамвая и находились в числе людей на переходе. Такси пролетело мимо, лишь чудом никого не задавив, и это происшествие напомнило доктору о красной зоне, в которую они вступили. Гольм открыл карту на телефоне и продемонстрировал тот участок, где они находились: здесь красная линия вплотную подходила к зеленой, и они стояли на самой линии раздела.

Это один из примеров того, как он размышлял. С точки зрения доктора, его выводы не выдерживали критики, но каким-то чудом подтверждались практикой.

Помимо сведений из открытого доступа Шура Гольм регулярно получал сообщения от коллег, которые ему передавал связной Олег. Кроме того, в круг его общения входили весьма странные люди всех возрастов, с которыми Шура встречался на улице. Они явно нигде не работали и не учились. Люди постарше производили впечатление судимых, чувствовалась в них какая-то настороженность или, напротив, неконтролируемое бахвальство. Никого из них он никогда не приглашал домой.

– Среди них немало преступников, но еще больше невиновных, – объяснил Гольм. – Я им помогаю уклониться от обвинений в том, чего они не совершали. Меня за это не любят в полиции, говорят, что я помогаю им уклониться от уголовной ответственности...

– Вы оплачиваете им наркотики? – холодно поинтересовался доктор.

– Эко вы припомнили. Нет, между нами старые счеты, и к криминалу они не имеют отношения.

Гольм был хмур и легко раздражался, и тогда Выков старался ему не досаждать. Он все еще не дал согласия на переезд и размышлял о своем новом партнере, по всему выходило, что им вряд ли удастся ужитья под одной крышей. Рано или поздно им придется расстаться.

– А «несоответствие с занимаемой должностью» – это следствие наркотической зависимости? – как-то спросил он.

Гольм отнесся к этому подозрительно спокойно.

– Я учился в аспирантуре и работал над диссертацией о личности преступников, сбывающих наркотические средства бесконтактным способом. Теория слаба без практики, так что мое заболевание можно считать профессиональным.

Он проходил лечение от наркотиков, вот откуда его знакомые, действующие в сфере незаконного оборота наркотических средств.

Скрыть от Гольма что-нибудь не представлялось возможным, это была еще одна его не совсем приятная особенность. Он всё замечал и тут же комментировал свои наблюдения.

К тому времени доктор познакомился с одной привлекательной девушкой. Обнаружилось, что у них с Аминой много общего, а именно, тяга к справедливости. Каким-то образом ей удалось выпросить у Ивана Сергеевича про его сожителя Гольма, ставшего жертвой несправедливого судопроизводства, который отбывал наказание под домашним арестом. В свою очередь Амина рассказала о приключениях одного театрального чиновника с чемоданом денег,

который оказался убит в гостиничном номере – судьба похищенных им денег так и осталась неизвестной. Короче говоря, он чувствовал себя заинтригованным и влюбленным.

Это не укрылось от пристального внимания Гольма:

– Сегодня вы надели светло-голубую рубашку, которую накануне гладили Ваши черные брюки со свежей складкой, хотя вы обычно носите джинсы. Не удивлюсь, если вы наденете галстук.

– Я получил работу в консультативно-диагностическом центре «Практика». Сегодня мой первый день.

– Для чего вы напялили эту футболку, Иван Сергеевич?

– Это военная футболка, Шура. Я ношу ее в память фронтового братства.

– Лукавите, мой друг, и это у вас плохо получается. Вы хотите произвести впечатление на женщину. Боюсь она не оценит ваш «военный идеализм». В столице ценится лихость, при условии, что она поддерживается финансово. У вас денег нет, так что вам с этой особой ничего не светит.

В такие минуты доктор Выков был готов пристрелить своего соседа, чья ирония и спесь ни на чем не основывалась, он днями просиживал дома, избегая всяких контактов. Он сделал доктора объектом для наблюдения.

Гольм недоумевал, как быстро менялся его товарищ.

– Зачем вам фитнес-зал, вы в прекрасной физической форме.

– По моим скромным подсчетам, насчитывается более сотни наименований товаров и услуг, которые люди высокого достатка считают для себя обязательным. Если обычный человек довольствуется прогулками на свежем воздухе в пять-десять тысяч шагов, велосипедом или лыжами, то более обеспеченный гражданин интересуется другими вещами. Я выбрал из всего фитнес-зал как наиболее для себя приемлемое, – ответил доктор.

– Вы просто вербуете там клиентов?

– Можно и так сказать, – скривился доктор, которого прямота молодого друга покорила.

– А что, Амина вам платит?

– Зря вы так к ней относитесь. Моя знакомая прониклась к вам сочувствием, когда я сказал, что вас опоили наркотиком. Кстати, у нее был друг, который тоже пострадал от одного своего знакомого, тот снабжал его таблетками для поднятия тонуса. В результате он сбрендил, бросил семью и работу, уехал в другой город и умер в задрипанной гостинице.

– В мире найдется немало обманутых друзей. Иван Сергеевич. Им я не в силах помочь, но позабочусь о вас. Ваша знакомая не отличается пунктуальностью. Вы говорите, что никого не ждете, но уже в третий раз за полчаса проверяете часы. Ваша дама не дает о себе знать, это что-то вроде смягченной формы расставания.

– Вы должны перестать меня преследовать, Гольм.

– Только не тогда, когда вы начинаете сорить деньгами, приобретая новый костюм. Мы с ним оба члены эксклюзивного клуба – клуба элегантно бедности, Иван Сергеевич. Разве вы собираетесь жениться?

– Я иду в оперу.

– Так вы любитель классического пения? Я этого не заметил. Думаю, мы увидим в репертуаре театра.

С этими словами Гольм стал шарить в смартфоне, словно и впрямь был озабочен театральной афишей.

– «Принцесса Турандот» – кажется мне наиболее подходящей для приезжих, которые слетаются на огни столицы. Я не ошибся? Нет? И, разумеется, спектакль выбрала ваша дама, что делает ее интересной особой. Предположу, что она актриса. Снова в точку? Ее зовут Амина. По этой цели вы работаете, Иван Сергеевич?

– Как вам удастся эта чертовщина, Гольм?

– Очень просто. Я прочитал о ней в вашем ежедневнике за 29-е число. Там вы описываете людей, которых встречаете. Вы обвели ее имя кружком, но не указали фамилии. Что за имя Амина? Фамилия у нее есть?

– Фамилией она не пользуется, а свое имя зарегистрировала в госреестре как творческий псевдоним.

– Повторяю свой вопрос, Иван Сергеевич. Что это за пациентка, с которой вы проводите время? – ревниво спросил Гольм, черпавший сентиментальные настроения из любовных романов, целое собрание которых он выгреб из своей библиотеки во время уборки.

– А вы, я смотрю, любитель легкого чтения? – осведомился доктор.

– Что вы, это собрание принадлежало матери моего друга Романа. Я получил разрешение избавиться от книг в пользу читательниц библиотеки. Так на кого похожа ваша избранница? Она блондинка, – с этими словами он предъявил том с красочной обложкой, где неправдоподобно красивая особа флиртowała с пожилым кавалером, – или брюнетка?

Следует отдать ему должное, он потрудился над выбором книг, и фотомодель, созданная нейросетью, отдаленно, но напоминала Амину, знакомую доктора Выкова.

– Она актриса одного провинциального театра и в Москве по делу, – ответил доктор. – Мы познакомились в фитнес зале.

– Ничего не вижу плохого в занятиях спортом, – начал Гольм, и его заряженная скепсисом фраза не предвещала ничего хорошего. – За исключением тех случаев, когда молодые девицы ищут случая подцепить престарелых простаков вроде вас.

Обидевшись за престарелого простака, Выков буркнул, что только отъявленный мизантроп может упрекать прелестных женщин во всех смертных грехах. Гольм только пожал плечами и объявил, что некоторые холостяки вечно озабочены тем, как бы их не обвинили в здравом смысле и наступают на грабли уже тогда, когда большая часть населения избавилась от этих граблей навсегда.

– Как вы можете судить о женщине, ни разу не повидав её? – сердился доктор.

– Вряд ли ваша избранница осмелится посетить вас на квартире, узнав, что вы живете под одной крышей со следователем прокуратуры, – усмехнулся Гольм, – но вы правы, нам следует кое-что узнать про нее. Я пошлю Олега составить свое мнение. Посмотрим, может, и Роман накопает чего.

Убедившись, что против проф деформации Гольма его возражения бессильны, доктор оставил эту тему. Зато его чрезвычайно заинтересовал Роман, еще один помощник Гольма.

Доктор сделал попытку сойтись поближе с Романом, ему хотелось с кем-нибудь обсудить пристрастие Гольма к сентиментальной литературе.

– Я всегда удивлялся, как люди читают те неправдоподобные описания и диалоги, которыми кишат любовные романы, – недоумевал доктор. – А уже количество профессиональных неточностей и домыслов там просто зашкаливает.

– Моя мать говорит, что такую литературу следует перевести из социального явления на функциональный уровень. Они помогают справиться со стрессом даже домохозяйкам, у которых с годами выработались рефлексy против него. Она училась вместе с Осипом Криком, которого вы знаете, но ушла из биологии в технологии.

– Очень мило с ее стороны презентовать свою библиотеку Гольму.

– Ничего удивительного, ведь она собрала ее, когда жила в родительской квартире, и при переезде забрала с собой только книги по специальности.

– Так вы с Гольмом братья?

– Двоюродные. Между нами огромная разница.

– Какая же?

– Он смог прочитать все книги в этой квартире, а я нет

Доктор все еще сидел в кресле с сентиментальным романом. когда вошел Гольм. Одного взгляда ему хватило, чтобы оценить обстановку.

– Ищите подтверждение своим гипотезам, Иван Сергеевич? – спросил он, кивая на книгу в пестрой обложке.

Доктор не осталось ничего, как кивнуть в ответ. Он впервые задумался о том, чтобы подобная беллетристика помогала получать знания по психологии. Впервые он смотрел на Гольма, склонившегося над книгой и крутившего прядь длинных каштановых волос, и это зрелище его восхищало.

– Кажется, вы интересовались моим двоюродным братом? – произнес тот, не поднимая головы. – Что такого вы хотели спросить его, чего не осмелились сделать?

– Кто он по профессии?

Шура заметил, что Роман проработал в банковской сфере 16 лет, и его мнению можно доверять. Доктору захотелось спросить, что делает такой ценный специалист в команде Гольма, но решил оставить вопрос на потом.

На другой день Гольм вызвал доктора чуть свет. Его лицо выражало разочарование.

– Вы не говорили, что Амина имеет отношение к убийству чиновника из К***.

– Мне и самому это неизвестно. Мы занимаемся в одном тренажерном зале и встречаемся в баре за чашкой кофе. Сегодня она должна отправиться на прием и уладить свое дело.

– Позвольте мне снова предположить. Вам больше не понадобится эта квартира. Вы переезжаете к любимой женщине.

– Это вряд ли. Она остановилась в отеле «Аляска».

Доктор задумался над тем, как ловко Гольм выманил у него адрес актрисы. Оставшись наедине со своими мыслями, он отдавал отчет, что их знакомство не приведет к серьезным отношениям. Надо отдать должное, Амина была эффектной женщиной и всюду обращала на себя внимание, демонстрируя стройную фигуру в дорогом темно-синем брючном костюме. Глубокое декольте открывало смуглую грудь с обозначившимися ложбинками. Из украшений у нее был золотой браслет, обрамляющий тонкое запястье руки. Он скатился вниз, когда она опустила руку. Вот и при последней встрече в клубе она сказала:

– Здравствуйте, доктор. Как же я рада вас видеть.

Она даже не удосужилась запомнить его имя отчество.

...– Вы правы, – кивнул Выков.

Его заминка не осталась незамеченной Гольмом.

– Вы темните.

– Вы просто завидуете, Шура.

– Не нужно так чувствительно реагировать. У меня нет причин исключать Амину из вашей жизни. У вас, я понимаю, тоже. Возможно, такие причины найдутся у кого-нибудь еще?

– Послушайте, что-то не так, Шура. Важное дело, а она не звонит. Мне надо ее проведать. Извините, придется ехать.

– Не вызывайте такси, внизу стоит машина. Езжайте, Иван Сергеевич, имея дело с подобными женщинами, лучше поторопиться, пока вас не обошли конкуренты.

Ах, да, он же грозился послать Олега в фитнес-клуб, чтобы навести справки про Амину. Предусмотрительность товарища насмешила Выкова:

– Вы про того качка, который дежурит у входа? Его зовут Богдан, это тренер.

Доктор посещал фитнес-зал до завтрака и виделся с Богданом каждый день. Тот специально взял утреннюю смену, чтобы вечерами быть свободным. Всем он говорил, что работает в другом клубе, но доктору по секрету признался, что рассчитывает получить работу телохранителя.

– Думаете, у меня получится?

Доктор не видел большого прогресса в такой перемене, но Богдан был полон оптимизма:

– У меня открылось второе дыхание.

Возможно, он и назвал имя своего клиента, но Выков не расслышал, отвлекся.

Гостиница «Аляска» была отделана черным камнем, отчего сама казалась фрагментом вулканической происхождения. То же ощущение горной породы прослеживалось и во внутренней отделке, испещренной трещинами и углублениями. Если верить оформителям, так выглядела роскошь истинных аристократов. Зеленая плитка пола повторяла расцветку малахитовых плит, а бело-прозрачные стойки дежурных напоминали фантазии на тему опалов. Портье в черных костюмах являлись наподобие зверей на ледяных плитах, в стиле ледового пространства были отделаны и номера для гостей.

При том, что дизайн отличался особой крутизной, дисциплина персонала оставляла желать лучшего. Не раз и не два доктор замечал пустые стойки или бар, в котором никого не было. Вне всякого сомнения, тут велось круглосуточное наблюдение, так хозяева отеля контролировали служащих, а заодно и постояльцев.

Узнав о его посещении гостиницы, насмешливый Гольм не преминул бы заметить, что наблюдение доктора вписывалось в свод закономерностей, присущим заведениям квартала, расположенным в красной зоне.

Теперь Выков отлучался из дома практически каждый вечер. Гольм над ним откровенно подшучивал:

– Прилет авиабомбы по позициям московских богачей – вот, что такое Амина. Простите меня, но в качестве цели вы для нее не годитесь. Разве только на роль наперсника.

Доктор усмехнулся:

– Вы меня переоценили. Амина – моя пациентка в диагностическом центре. Я лечу ее от бессонницы. Любезности оказались не столь приятны, а только лишь необходимы, не более того.

– И всё же? Она обращалась к вам за советом? Вот как? И кого же вы ей порекомендовали?

– Биоматериал Павла Дурова.

Доктор был не вполне откровенен со своим сожителем. Служебные обязанности в отношении пациентки он сочетал с дружескими, в чем ему неловко было признаться. Сначала были нервы, необъяснимое чувство вины и упреки в предательстве. Потом – паранойя. Девушке требовалось сильное психотропное лекарство, которое помогло бы ей забыться. Сеанс за сеансом они с Аминой погружались в странный чувственный мир, настолько глубоко, насколько позволяла роскошь ее фантазий и финансов.

Сразу после ужина Выков простился с другом и отправился на вечеринку, исполняя обещание, данное Амине. Когда он заехал за ней в гостиницу, девушка была в вечернем платье. Он набросил ей на плечи короткую меховую шубку.

Вид у нее был такой, словно после Куршевеля она летела на Северный полюс.

– Сумку с купальником, – требовательно произнесла она.

Выков взял пакет с купальными принадлежностями, не забыв о банном полотенце.

Они прибыли в фитнес-центр слишком поздно, в вестибюле оказалось темно, и у стойки гардероба их ждал служитель. Доктор оправился искать место для их верхней одежды, а его спутница сразу отправилась в раздевалку бассейна.

В зоне бассейна шло веселье, шумела толпа гостей и скакали официанты, предлагая бесплатное шампанское. У бармена шумела кофе машина, и он совал желающим чашки кофе.

Фитнес-центр словно сошел со страниц глянцевого журнала, демонстрируя спортсменов-миллиардеров и аристократов из родов с двухсотлетней историей. Доктор был впечатлен.

Но еще больше его обрадовало то, что в зале работали профессионалы своего дела. Он приветствовал своего приятеля тренера Богдана, мобилизованного из РА по ранению.

– Как обстановка?

– Сегодня гостей больше обычного. Случайно не видели Амину?

– Только что приехала. Какие-то проблемы?

– У меня нет, – усмехнулся тренер. – Она жаловалась на поклонника, который ей досажает.

Доктор просил приглядеть за ней. Если возникнут затруднения, пусть Богдан обращается к нему, не стесняется.

– Проблемы в том, что Амину осаждают странные люди. Какой-то Юра пытался проваться к ней в раздевалку, потом журналистка из газеты. Я договорился с дежурной, чтобы к ней никого не пропускали. Мало ли сумасшедших.

Именно через него доктор познакомился с Аминой. Ходил слух, что она актриса – то ли снимается в кино, то ли играет на сцене. Она окружала свое появление таинственностью, что делало ее притягательной. Из своего опыта доктор знал, что часто причина скрытности кроется в личной драме, и чутье его не подвело. Узнав о его профессии, Амина напросилась к нему на прием. Туда она пришла в сопровождении Богдана, он даже попытался проникнуть в кабинет, но доктор остановил его на пороге. Никакого объяснения такому поведению не последовало, но Иван Сергеевич надеялся, что решит и этот вопрос. Когда же Гольм подшучивал над ним, говоря, что он просто любит загадки, Выков отмахивался и говорил, что тут одни нервы и никакого криминала.

Сегодня у доктора была назначена встреча с потенциальным пациентом. Разговор с бизнесменом не представлял интереса, это была затянутая и очень скучная реклама его деятельности. Так он нудил минут двадцать. Доктор его выслушал, сказала привычка общения с пациентом, но недолго – ровно столько, сколько полагалось длиться сеансу, потом подтвердил, что диагностирует заболевание, но это не страшно, с ним можно вполне справиться. Оставалось только обговорить детали, но их разговор прервали.

– Извините, что отвлекаю, – обратился к ним бармен, – но в бассейне одному человеку стало плохо. Я вспомнил, что вы доктор.

Впервые доктор подумал, что жизнь чего-то стоит. Странно только, что эта мысль пришла к нему рядом с трупом. Тело было покрыто простыней.

Администратор заламывала руки:

– Что я могла поделать? Откуда мне знать, что кто-то ухнет насмерть в бассейне. И что делать?

– Достаньте из воды бокал, но осторожнее. на нем могли остаться потожировые следы, – сказал доктор. – И проследите, чтобы место происшествия не разнесли на клочки.

Она кивнула и полезла в воду за бокалом. Разруливать панику она станет во вторую очередь – все, как говорил врач. Выков задумался, какие последствия могут иметь его слова.

Навстречу ему шел капитан Пальчиков.

– Как поживает Гольм? – спросил он как ни в чем не бывало.

– Пробуждается к жизни, – коротко ответил доктор. – А как ваши дела?

– Очередное убийство. Мало хорошего.

– Отчего же? Убили не вас – и то слава богу.

– Вы, я вижу, шутник подстать Гольму. Ладно, пойду. Не попадайте ко мне на глаза. Я не всегда добрый.

Доктор хотел расспросить бармена, что случилось, но и за стойкой никого не оказалось. Только за столиком сидел человек и читал. Присмотревшись, он узнал Гольма. Тот читал его ежедневник.

– Странно, что полиция вас не задержала, Иван Сергеевич. Этот растяпа Порфирьев забыл про бар.

– А вы-то тут каким образом?

– Вы же сами выхлопотали для меня посещение бассейна. Как, нет? Значит, я ошибся. Так и скажу следователю, когда увидимся. Он поверит. Не представляете себе, какой это раз-звя. Он и пост у служебного входа выставить забыл.

– А что там стряслось?

– Как, разве вы еще не знаете? В бассейне найдено мертвое тело. Предполагают убийство.

– Кого же это?

– Постойте, но как же так? вас вызвали на труп, вы его должны были осмотреть.

– Я констатировал смерть, более от меня не требовалось. Простыню никто не поднял. Я проверил пульс на запястье. Никаких шансов. Кого убили?

– Амину, вашу подружку. Порфирьев к вам заявится, можете не сомневаться.

Далеко уйти им не удалось. У входа их перехватил оперативник и доставил к капитану. Следствие буксовало на стадии опознания тела.

– Кто она? Художница? Актриса? – кричал Пальчиков.

Только не содержанка, подумал доктор. Не тот тип лица. Не тех дерзкие вразброс брови. Как знать, может и его понятия о жизни почерпнуты из сентиментальных историй, которыми делятся с ним пациенты. В таком случае, чем он отличается от Гольма, который изучает человеческую природу по романам?

Гольм торопил его:

– Лучше нам уйти, пока вас не сграбастала полиция да и мое появление в этом месте не вызовет у Порфирьева восторга. Вижу, вы тут ни при чем, но к чему рисковать?

– А что делать?

– Ей вы все равно не поможете, да и не пустят нас на место. Съездим-ка к ней в гостиницу. Вы там частый гость, вас пропустят.

– А что мне сказать?

– Что она прислала вас за вещами.

– Понятно.

– А мне нет. Вот Порфирьев тренера допрашивает, которого Амина посылала за ножом. Скажите, пожалуйста, зачем ей нож понадобился в бассейне?

– Помню, Богдан мне что-то говорил об этом, только я мимо ушей пропустил.

– Что? Про нож?

– Нет. Он устроился работать у Амины телохранителем, вот она его и гоняла туда-сюда. А начет ножа, никаких соображений. Вам зачем мой ежедневник понадобился, Шура?

– Намекаете, что я его без спроса взял? Так это для пользы дела. Использую его как справочный материал. Едем?

Как и предполагал Гольм, в гостинице «Аляска», где поселилась Амина, ранее имело место убийство. Два иммигранты напали на постояльца. Всюду писали об опасности от иммигрантов: подражание столичным нравам ожесточало их провинциальные нравы и вело к вырождению.

Увы, они опоздали. Номер Амины был полон народа, и странно, как небольшая комнатка смогла вместить циклопическую порцию экспертов, следователей и гостиничной obsługi. Доктору и Гольму позволили войти, приняв их за понятых. В это время криминалисты разбирали гардероб Амины, одних круглых шляп насчитывалось четыре штуки, а платья удивляли невиданными фасонами, популярными для эстрады. Для неискушенных работяг всё непривычное казалось чудовищным, а потому и потешным.

Следователь, единственный бритый мужчина среди монстров криминалистики, щеголяющих трехдневной щетиной, сразу обратил на них внимание.

– Здесь работает полиция. У вас две минуты, чтобы представиться и рассказать о деле, которое привело вас сюда.

В манере общаться прослеживалась тесная связь между Пальчиковым и Гольмом.

– Кого я вижу? Психически сломленного Шуру? – произнес тот. – Только не говорите, что вас прислал Порфирьев.

Гольм отмахнулся от насмешки; не то, чтобы она была ему обидной, нет, слишком мелкотравчатой, чтобы обращать внимание.

– Вы не по адресу. Теперь очередь доктора давать показания. Вы когда-нибудь имели дело с полицией, Иван Сергеевич?

– Бывало, по работе. Но еще никогда принимал участия в расследовании, – ответил Выков.

– Пока тут расследованием и не пахнет. сплошной бардак. Не говори, что ты один учинил такой разгром, Севка, – заметил Гольм. – Пожмем руки? Нет?

– На счет один стреляйте в Гольма, а на счет три пристрелите доктора, – распорядился Пальчиков.

– Ладно, мы уходим. С капитаном мы поздоровались.

Доктор удостоил Пальчикова легкого кивка, большего Севастьян не заслуживал. Подобных шутников он навидался за свою жизнь, от них одна суета.

– Я не знал, что вы работаете на прокуратуру, – сказал он Шуре.

– Уже нет. Уволили месяц назад.

– Нарушение дисциплины?

– Потом расскажу. У нас тут дело, если вы забыли. Мы можем взглянуть тело? – обратился Гольм к криминалисту, и тот ответил, что уже закончил осмотр.

– Красивая женщина, – отметил Гольм.

– А вы что, ее знали? – удивился криминалист.

– Модель из календаря Пирелли, брюнетка с большим карпом.

Так Выков уточнил, что значит высказывание его друга, что Амина слишком русская, чтобы иметь успех *здесь*.

– В Италии у нее были шансы продвинуться, но тут без вариантов, таких, как она русских красавиц полно.

Доктор и не подозревал, что Гольм просматривает календари Пирелли и размышляет о женской красоте. Впрочем, Шура размышлял обо всем. Даже о карпах и рыбалке.

Судя по документам и багажу, Амина была очень успешной деловой женщиной. Привезенные театральные костюмы наводили на мысль о том, что она готовилась поступить на сцену. Судя по показаниям гостиничной obsługi, она уходила из гостиницы почти каждый день и возвращалась только к вечеру.

При том, что жертвой была столь яркая особа, её убийство поразило отсутствием воображения. С ходу можно было назвать не менее десятка людей, свернувших ей шею: от случайных приятелей из города до старинных знакомых, последовавших за ней, но все эти версии имели одно общее – недоказанность. Между Пальчиковым и Гольмом вспыхнула ссора, и с каждой репликой они все больше завирались, путая жертву с каким-то вымышленным персонажем, пока кто-то не крикнул: «А ведь это я!» Все сразу замолкли. Кричал доктор Выков.

– Не война гоняется за вами, доктор, – вкрадчивым голосом говорил Пальчиков. – Это вы гоняетесь за ней. Об этом мы и побеседуем. Вы приехали в Москву 8 сентября. Просветите нас, чем вы занимались.

Доктор справился с ежедневником. Дело предстояло нешуточное, и он хотел опираться на факты и оперировать точными данными.

– Мне нечего скрывать. Во время моего отсутствия сестра сдавала мою квартиру, но к началу сентября жильцы уже выехали, и я смог заселиться. Разгром был удручающий, это удел

всех съемных квартир. 15 числа я впервые посетил фитнес-центр «Преображение» по разовому пропуску, а 18-го приобрел абонемент. С Аминой мы познакомились 6 октября. 7 октября я пригласил ее в кафе.

– А что потом?

– У меня есть определенные... нравственные ориентиры, и они могут стать препятствием к откровенности.

Гольм взглянул на него и усмехнулся:

– Со временем их станет меньше. А теперь умерьте пыл, ваша скрытность может стоить вам свободы.

– Что было дальше? – настаивал Пальчиков.

– Ничего. Я оказался не готов к новым отношениям.

– Значит, ничего?

– Кое-что произошло. Я сменил тренера. Амина порекомендовала мне Богдана. Полагаю, он и стал ее новым увлечением. Ей импонировала его молодость и солдатский взгляд на жизнь.

– Он не отягощен рефлексией, как вы, – заметил Гольм. – Ладно, забудем. Мы умеем хранить тайны.

Выков и сам не знал, какие отношения его связывали с Аминой. Худая темноволосая девушка, одна в Москве. Что привело ее сюда? Личные дела, надежда на выгодное трудоустройство. Скорее первое. Она не походила на искательницу хорошего места, не было в ней суетливости. Она спокойно ожидало того, что должно было случиться.

Потом ситуация изменилась. Везде, куда они приходили, она заказывала выпить. Склонность к алкоголю была налицо, да еще восприимчивость, которую она получила с толикой центральноазиатской крови.

– Не позволяйте мне напиваться, доктор. – Два коктейля – это максимум.

Загадка девушки – вот, что его привлекало. И, конечно, мысль, что он может ей помочь.

– Очень захотелось вдохнуть прелесть гражданской жизни. Привлекала ее беззаботность что ли... Если что-то захотелось, я делаю, не раздумывая.

– В это время Иван Сергеевич только устроился в медицинский центр и нуждался в расширении клиентуры, – вмешался Гольм.

Пальчиков кивнул в знак того, что учитывает его мнение.

– Спасибо, но ваше содействие мне более не требуется, можете идти, – обратился он к Гольму. – Если повезет, сможете успеть к месту отбывания наказания раньше надзирающего инспектора.

Он дождался, когда Гольм выйдет и произнес:

– Вот и прекрасно. Позвольте подвести итог. Вы, Иван Сергеевич Выков, вернулись с театра военных действий, получив ранение. Сначала работали в университете на должности ассистента, но не преуспели.

– Зарплата столь мала, что не хватало на жизнь, – сказал доктор.

– Тогда как объяснить, что вы не приняли предложение доцента Крика подыскать вам сожителя, которому требовалась медицинская помощь?

– Я был не готов к долгосрочному обязательству. Мне требовалось время, чтобы привести себя в порядок.

– Вы записались в тренажерный зал для этого? А может быть, вы подыскивали одиноких женщин, которые помогли бы решить ваши проблемы? Фитнес – отменная среда для знакомств. Ваше внимание привлекла одна яркая особа, которую вы стали обхаживать.

– Вы взяли ее имя из моего ежедневника?

– Его приобщили к уликам. Санкция прокурора имеется. Вы относитесь к числу подозреваемых. На войне вы убивали, попробовали на вкус успех, и он вам понравился. Добавим к этому интерес к Амине как к женщине.

– Вы мне не верите?

– Гольм верит, а я нет. Еще не было случая, чтобы Гольм так ошибался в людях, и это только будоражит мой охотничий пыл. Я умою его, можете не сомневаться.

Однако умываться пришлось самому Севастьяну Пальчикову. Его вызвали из кабинета, куда он вернулся с потемневшим лицом.

– Можете быть свободным, – сказал он Выкову, не вдаваясь в объяснения.

На улице доктора ждал Гольм. Он по-прежнему пользовался свободой передвижения.

– А как же инспектор?

– Я послал ему пять сообщений с вашего номера о том, что Гольму вызвана скорая помощь, и он нуждается в срочной госпитализации. А как ваши дела?

– Меня почему-то спрашивали о моей работе с Осипом Евгеньевичем.

Гольм продолжал:

– Дотошность – единственное положительное качество Пальчикова. Удивляюсь, как можно быть столь равнодушным к мотивам преступления и нелюбопытным к обстоятельствам, ему предшествовавшим. Вы снова молчите. Я расцениваю как великий дар.

– Ваши две минуты прошли, – сказал доктор.

– И вы не хотите узнать, как я вас вытащил?

– Не сейчас. Сначала приведу себя в порядок после допроса.

– Воспользуйтесь ванной у нас дома. Бога ради не ходите в тренажерный зал, а то там опять кого-нибудь убьют.

Вечером к ним в гости заглянул доцент Крик. Его лицо выражало нескрываемую радость, и он принес торт, чтобы приветствовать возвращение Выкова. Улыбаясь, он предложил доктору вернуться в лабораторию.

– Кхе-кхе, не так особенно денежно, зато безопасно.

Гольм срочно вызвал Ивана на кухню.

– Не время откровенничать. Осип Евгеньевич поглощен своими исследованиями, и это занимает его куда больше, чем чужая беда.

Вернувшись, он провозгласил:

– Хотите знать про убийство? Мы с Иваном Сергеевичем уверены, что кто-то напоил Алину димедролом и сбросил в бассейн.

Позже он заметил, что на откровение он пошел не потому, что жаждал похвалы, а чтобы расшевелить Пальчикова. Доцент Крик – пример, с какой легкостью капитан полиции обзаводился осведомителями. Ответ не заставил себя ждать, после ухода Крика зазвонил телефон Гольма, и Пальчиков осведомился, откуда ему стало известно про димедрол.

– Есть много препаратов, чтобы отключить человека, и этот – наиболее известный. Его довольно сложно достать, но в провинции его до сих пор выписывают как средство от бессонницы.

– Это был не димедрол, – отрезал капитан и положил трубку.

Если доктор и собирался хранить свои тайны, то теперь это не имело смысла. Во время вечерники Амина пожаловалась на головную боль и обратилась к доктору за таблеткой.

– Порфирьев, конечно, станет утверждать, что я и был убийцей, – доктор уже обдумывал самую плохую версию.

Мысль Гольма продвигалась в другом направлении.

– Вам не кажется, что Амина пыталась привлечь к себе внимание? Это значит, что она чувствовала опасность, ее преследовал некто, от кого она хотела отделаться.

Внезапно доктор произнес:

– Это был бензодиазепин. Амина принимала этот препарат. Я пробовал перевести ее на что-нибудь более мягкое, но она отказалась.

– Я так и думал, что вы тут завязаны, – отозвался Гольм. – Кстати, как у вас с работой?

– Вроде бы меня не увольняли, но я перестал получать больных, а бумажной работы прибавилось. Не очень-то это приятно. Все, что я умею, это лечить людей.

– Они умеют виртуозно выдавливать людей, поэтому я предпочитаю работать самостоятельно, – сказал Гольм.

– Моя лицензия в порядке, так что я смогу практиковать частным образом. Вы не спрашиваете, какая у меня специальность?

– Полагаю, психотерапевт.

– Это гражданская. На войне я практиковал как хирург и инфекционист. В военкомате мне обещали содействовать с получением лицензий. А насчет психотерапевта вы сами додумались?

– Нет, мне сказал Осип Крик, когда предлагал вас в компаньоны. Он рассчитывал, что вы сможете меня вылечить, но не обольщайтесь, если кто на это способен, это я.

– Я вылечил сотню людей, Шура.

– А я раскрыл десятки убийств. Мы сработаемся. Но признайтесь, это не вы нашпиговали Амину бензодиазепином? Смеюсь. Я составил список литературы, с которой вам нужно ознакомиться. Новейшие исследования по криминалистике. Вам придется всерьез попрактиковаться в этой области.

К вечеру доктор задремал и пробудился от стука в дверь.

– Я болен, вызовите скорую помощь, – послышался голос Гольма.

– Никак, отравились общепитом, – проворчал Выксов, шаря в своей коробке с таблетками. – Позвольте я вас осмотрю.

Он открыл дверь и увидел лицо своего приятеля, ухмылка которого не оставляла сомнения, что он опять выкинул какой-то фокус.

– Нет, пока ничего не случилось, но вам лучше заранее вызвать скорую. Сами знаете, им понадобится полчаса, чтобы до нас доехать.

– И что я им скажу?

– Что ваш друг отравился бензодиазепином. Это ведь тот препарат, которым прикончили Амину? У вас он есть?

– Вы ставите меня в неловкое положение. Я не могу дать вам этот препарат.

– Иван Сергеевич, нужна гомеопатическая доза. Это единственный способ узнать результаты вскрытия Амины.

– Что, Порфирьев вам так и не позвонил?

– Нет, и я в отчаянии. Так вы будете вызывать скорую?

– Лучше я позвоню вашему следователю, уверен, он проникнется пониманием.

– И скажите, пусть приедет с заключением эксперта.

Рисковать здоровьем Гольма не понадобилось.

Скоро выяснилось, почему Порфирьев не проявил интереса к смерти девушки в бассейне. Ее посчитали несчастным случаем. Он это так и сказал, когда нагрянул к Гольму с очередной проверкой.

– Я привез вам протокол, о котором вы просили. Сами увидите, там нет ничего интересного.

– Одно «но». Детали не состыкуются, и вы должны были это заметить, – возразил ему Шура.

– Вздор. Смерть в результате несчастного случая. Согласно медкарте, Амина получала психотропные препараты. Очередное простое дело, не нужно большого ума, Гольм, чтобы в этом разобраться.

– Ваши протоколы меня не удовлетворяют. Ни толкового осмотра места происшествия, ни экспертизы вскрытия. Да и свидетели ничего не видели, а передают всё со слов других.

– Вы взялись нам досаждать, даже сидя под домашним арестом. Мне кажется, вы намеренно подсунули нам свою актрису. Она приезжая, никто ее здесь не знает.

– Так найдите того, кто знал ее лично. А то пишете всякую ерунду со слов тех, кто ссылается на других, кто-то что-то видел или вообще знает другого, кто видел.

– Таких свидетелей нет! – возразил Порфирьев.

– Позвольте с вами не согласиться. Вот, например, доктор Выков, лечащий врач Амины.

– Вы?

– Да. Амина посещала мои сеансы.

К сожалению, сбился мрачный прогноз доктора. После визита следователя прокуратуры в его рабочий кабинет, Выкову отказали от места в медицинском центре, сославшись на его неблагонадежность: его косвенное участие в преступлении бросало тень на репутацию врачей.

– Что, центр тоже находится в красной зоне? – спросил он тихо.

Гольм кивнул.

Теперь доктор днями напролет сидел дома и читал сообщения пресс-службы столичного СК. По факту убийства Амины было возбуждено уголовное дело. Следователи и криминалисты провели осмотр места происшествия. Ради любопытства он обратился к изучению карты криминальных происшествий по городу, составленной Гольмом, отмечая в уме объекты в красной зоне.

Что касается Гольма, то он искал аккаунты Амины в социальных сетях. Этот личный жанр самопиара правоохранители охотно использовали, но из-за блокировки интернет-ресурсов улов Шуры был невелик. Всё, чем он располагал, это отзывы о сценической деятельности Амины (она выступала под псевдонимом) в одном провинциальном театре.

– Она репетировала роль в «Принцессе Турандот», этим и объяснялся выбор спектакль, – сказал он доктору.

Шура все активнее вгрызался в расследование, и, хотя Пальчиков охотно пользовался его находками, он сам не имел выгоды и только раздражался от вала звонков, который обрушился на него со всей бесцеремонностью. Кончилось это тем, что он перестал брать трубку и лишь просматривал поток СМС, среди которых не попадалось ничего существенного.

– Когда вам успели снять блокировку телефона? – осведомился доктор.

– По личному представлению прокурора. Признайтесь, вы просматривали аккаунты Алины в социальных сетях. Может быть, сохраняли у себя ее фотографии?

– В самом начале мы с ней общались по электронной почте, – признался Выков.

Гольм не успокоился до тех пор, пока не просмотрел все снимки из ноутбука доктора. Он простер свой интерес на электронные носители, изъятые из номера Амины, и Пальчиков был не в силах противостоять его требованиям.

На другой день приступ энергии Гольма сменился состоянием глубокой апатии, повлекшей глубокий упадок сил. За время болезни он ничего не ел, обходясь настоем трав, который заваривал ему в термосе Олег. Когда доктор осведомился о травах, входящих в сбор, Шура ответил, что они разгоняют желчь, которая скапливается у него из-за неподвижного состояния. Выков насел на Олега, и тот признался, что собирает растения у себя на даче, начиная от лопухов, одуванчиков и крапивы и заканчивая мятой и зверобоем. Вообще-то Гольм поль-

зовался травами для мытья головы. Волосы составляли предмет его гордости, и он за ними тщательно следил.

– Хотите узнать, нет ли у меня хронической болезни, – спросил Шура, подслушав их разговор на кухне. – Смею заверить, нет. Амина тоже ничем не болела, но это не помещало ей скоропостижно скончаться. Во всех смыслах удивительная смерть.

Он мог бы рассуждать на эту тему и дальше, но в это время доктор ответил на звонок пациента и отнесся к его словам про Амину без должного внимания.

– Поступайте так, как считаете нужным, – буркнул он и вышел из кабинета, давая понять, что для него непосильное испытание находиться в одном помещении с неврастеником.

Гольм появился сразу, как появились результаты. Его версия, понятно, требовала доказательств, но она исчерпывающе характеризовала Амину.

– Ваши действия начисто лишены корыстного мотива... в отличие от бездушного голема.

Амина собирала коллекцию обеспеченных мужчин и входила с ними в контакт. Вы затесались в ее список случайно, вероятно, сыграли роль слухи о богатстве военнослужащих.

Поиск богатого друга давал сбои, и в ее случае закончился не очень хорошо. Прямо-таки плохо.

Они просматривали фотографии Амины в поисках совпадения с мужчинами из коллекции потенциальных женихов, которые собирала театральная дива. Один человек показался доктору знакомым, это Богдан, тренер из фитнес-зала.

– Красивый парень, но совершенно без денег, – заметил Выков.

Гольм пропустил его комментарий мимо ушей.

Утром явился Порфирьев узнать, что у него со здоровьем. Гольм жаловался на головную боль и не вставал с дивана. Он отказался от таблетки, предложенной доктором, заявив, что избегает медикаментов, которые могут нарушить его мыслительную деятельность. Он придерживался идеи, что болезнь мобилизует умственные способности. Сейчас он исследовал районы Москвы, дабы убедиться в правомерности деления их на красную, желтую и зеленую зоны. С закрытыми глазами он мог перечислить, какие округ входили в каждую зону, к чему доктор отнесся весьма скептически. Он не понимал, как можно судить о городе, не выходя из дома. Гольм обиженно промолчал, а присутствовавший при разговоре Олег заметил, что свои блестящие умозаключения Шура всегда делает, находясь в четырех стенах.

– Что насчет Богдана, вы узнали про него ничего нового? – больной внезапно сменил тему разговора.

– Он обычный человек, – ответил доктор.

– За исключением того, что он поселился и нашел работу в красной зоне, – возразил Гольм, который мог знать, где Богдан работает, но не то, где он живет.

Доктор потрогал его запястье. Пульс был повышен, но жара не наблюдалось.

– Вы обмолвились, что он снимает комнату в Дегунино. Оно относится к зеленой зоне, за исключением красного участка в районе автомастерских. Я смотрел уголовные дела, возбужденные против угонщиков и скупщиков краденых деталей. Так вот, тренер поселился рядом с автомастерской, где сдается самое дешевое жилье.

Доктор задумался. Он развил в себе профессиональную память, и там не было места для адресов случайных знакомых. И все-таки ощущение своего просчета он воспринял как что-то унижающее.

В адрес Гольма поступал большой объем информации. Выкова удивляло, что его приятель сердился на сообщения своих информаторов, он распечатывал СМС от них, просматривал и бросал в угол.

– Ненавижу сплетни, в них ни капли истины. Люди все перевирают и только вводят других в заблуждение. Мне нужны очевидцы.

– Кажется, я знаю, кто может нам помочь, – предложил доктор. – Богдан выполнял обязанности телохранителя Амины. Если кто и в курсе проблем, то только он.

– Вот еще, – пробормотал он. – Тащить домой всякую шваль с улицы. Вы лучше скажите, почему Порфирьев мне не отвечает? Я написал ему десять писем.

К семи вечера следователь так и не ответил ему, зато Богдан сидел в квартире у доктора, а Гольм посматривал на него с порога своей квартиры.

– Чего стоите? Или вам мешает застенчивость? – спросил у него Богдан.

– Скорее домашний арест.

Разговор сразу не заладился и после короткого обмена мнениями Гольм распорядился отвезти Богдана в «Престиж». Уже в дороге поступило указание от Олега:

– Увезите его в другое место, Иван Сергеевич, полиция прибыла раньше нас.

Доктор Выксов объехал фитнес-центр кругом, у входа дежурила группа капитана Пальчикова. Полицейские заняли позиции и вели скрытое наблюдение за центром.

– Где вас высадить? – спросил он тренера.

– Во дворе. Дальше я сам, – ответил Богдан.

У полицейских не имелось основания для проникновения и обыска, как и данных для задержания, и они обрадовались приезду доктора Выксова.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.